

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/81/13

**Пушкин-памятник
в поэтической картине мира Булата Окуджавы**

Мария Александровна Александрова

Нижегородский государственный
лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия
nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Аннотация

Стихи Окуджавы «Александр Сергеич» и «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину» рассмотрены в системе контекстов: это экфрасисы, отражающие культовый статус памятника работы Опекушина; разные опыты полемики с традицией стихов «к памятнику» («Юбилейное» Маяковского, «Памятник Пушкину» Бродского); пушкинские произведения. Показано, что в своей интерпретации московского памятника Пушкину Окуджава был свободен как от идолопоклонства, так и от предубеждения против «мертвящей» (Маяковский), «леденящей» (Бродский) бронзы. Проанализированы художественные приемы, позволившие лирику воплотить в образе бронзового Пушкина идею *памятника нерукотворного*, запечатлеть гармонизирующее влияние гения на современную жизнь.

Ключевые слова

Пушкин, Окуджава, пушкиниана, «Памятник», экфрасис

Для цитирования

Александрова М. А. Пушкин-памятник в поэтической картине мира Булата Окуджавы // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 166–179. DOI 10.17223/18137083/81/13

**Pushkin as a monument
in the poetic worldview of Bulat Okudzhava**

Maria A. Aleksandrova

Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation
nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Abstract

The poems of Bulat Okudzhava, “Aleksandr Sergeich” and “Tourist family is photographed at the Pushkin Monument,” are analyzed through the system of contexts. These are traditional

© Александрова М. А., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 166–179

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 166–179

poems in the “ekphrasis” genre, reflecting the cult status of the monument by Opekushin, various debates with the tradition of poems “to the monument” by Mayakovsky and Brodsky, and Pushkin’s works united in the reception of the modern poet by the ideas of benevolence and gratitude. Okudzhava’s interpretation of the “bronze Pushkin” was inspired by the idea of a poetry monument. The theme of mercy from Pushkin’s poem “Exegi monumentum” is realized in “Aleksandr Sergeich” by the connection between the title, the dedication, and the content. The dedication of the poem “Tourist family is photographed at the Pushkin Monument” to a friend of his youth is considered through the author’s creative task: the poet and photoartist Tsybulevskiy becomes a judge in a dispute with Samoylov (“Amateur photographer”). Finally, the disagreements between the distant interlocutors become imaginary, as is the conflict between the “little man” and eternity “in front of Pushkin.” After substantiating the meaning of the allusion to Pushkin’s “Birdie” in the poem’s refrain, a conclusion is made: the metaphor of the soaring souls of “little people” develops the idea of “Aleksandr Sergeich”, with a monument symbolizing a hierarchy of values. Okudzhava’s interpretation of Pushkin’s monument was not influenced by prejudice against the “deadening” (Mayakovsky) or “ice-cold” (Brodsky) bronze form. For Okudzhava, the spirituality of the “bronze Pushkin” signifies his harmonizing role in modern life.

Keywords

Pushkin, Okudzhava, Pushkiniana, “Exegi monumentum”, ekphrasis

For citation

Aleksandrova M. A. Pushkin as a monument in the poetic worldview of Bulat Okudzhava. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 166–179. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/13

1. Памятник работы А. М. Опекушина в зеркале стихотворной пушкинианы

Обстоятельства открытия первого памятника Пушкину (1880) предопределили его «культурную» функцию и формирование соответствующего «литературного мифа» [Молок, 2000, с. 15]. Всё новых и новых интерпретаторов вдохновлял сам облик бронзового поэта. А. М. Опекушину удалось соединить классическую ясность обобщенных форм и романтический психологизм; «нота скорби и печали, или, как говорили современники, задумчивости, сквозит и в склонённой голове поэта, и в коротком шаге его развёрнутой и тоже несколько склонённой фигуры, и в жесте руки, обращённом не во внешний мир, а к себе» [Там же, с. 12]. Склоненная голова не только создает выразительный силуэт, прекрасно читаемый с любой точки обзора; это композиционное решение (необычное для монумента такой высоты) позволяет зрителю заглянуть поэту в лицо, пережить и чувство близости к Пушкину, и смирение перед тайной, которой веет его отрешенный лик. Погруженный в себя поэт отделен от зрителя – и благожелательно склоняется к нему.

Между тем на протяжении почти полутора столетий стихи «к памятнику» редко становились творческой удачей. Сущность проблемы состоит в двусмысленной семантике мифологемы «Пушкин-памятник» [Шарафадина, 2013]: ее воспроизводили спонтанно, без рефлексии о заповеди *не сотвори себе кумира*, реализованной Пушкиным в «мифологии статуи» [Якобсон, 1987, с. 145–180]. Многие «праздничные» тексты 1880 г. представляли героя события *горделивым истуканом*: «Из бронзы прочное обличье принял он»; «В столице, Пушкину любезной,

<...> Поднялся ныне лик железный»¹ (России первая любовь..., 1989, с. 137, 150) и т. п. Заменяв эпитетом *железный* классическое «овеществление» славы в меди (бронзе), В. Соллогуб невольно подчеркнул смысл, конфликтующий с идеей *памятника нерукотворного*.

Эксперимент Б. Садовского с номинацией свойств памятника также вызвал неконтролируемые ассоциации. Памятник увиден в ракурсе «Медного всадника»: «Стоял, задумчиво склоняясь, // *Спиной ко мне, чугунный идол*»; «Стал, многодумно наклоняясь, // *Спиной ко мне, чугунный идол*» (Садовской, 1909, с. 29) (ср.: «*И обращён к нему спиной, // В неколебимой вышине, // <...> Кумир на бронзовом коне*» (Пушкин, 1948, т. 5, с. 142)). *Чугунный идол*, словно выбирающий позу под взглядом лирического героя, оказался пародией на впечатления *бедного Евгения*.

Интерпретация самой узнаваемой черты бронзового Пушкина – легкого наклона головы – особенно часто порождала зловещие либо комические эффекты; происходила невольная, но закономерная буквализация метафоры пушкинского культа: «Пушкин – в роли Командора?» (Цветаева, 1990, с. 412). Так, адресат стихотворения С. Есенина «Пушкину» сменил земную участь Дон Гуана на статус гордого судьи дел человеческих; с высоты вечности он кивает своему визави, будто статуя из «Каменного гостя»: «Стою я на Тверском бульваре, // Стою и говорю с тобой. <...> О Александр! Ты был повеса, // Как я сегодня хулиган. // Но эти милые забавы // Не затемнили образ твой, // *И в бронзе выкованной славы // Трясёшь ты гордой головой*» (Есенин, 1995, с. 203). С. Васильев пытался «установить контакт» со статуей парафразом «Из Анакреона»: «Я любовников счастливых // Узнаю по их глазам: // В них сияет пламень томный...» (Пушкин, 1948, т. 3, кн. 1, с. 373); однако Пушкин-памятник вновь обернулся Командором, наблюдающим за живыми из вечности: «Всё с тем же внимательным, *гордым поклоном, // по отблескам тех же примет // встречает несметные толпы влюблённых // закованный в бронзу поэт*» (Васильев, 1964, с. 56). О глухоте автора к пушкинской «мифологии статуи» говорит и невольная перекличка с эпиграммой: «Что // против – Пушкину иметь? // *Его кулак // навек закован // в спокойную к обиде медь!*» (Маяковский, 1955, с. 123).

«Мотив вынужденной, сковывающей неподвижности» у Маяковского – смелое развитие пушкинской коллизии живого и мертвого [Яacobсон, 1987, с. 174]. И всё же бронзовый Пушкин признан необходимым участником современной жизни: «На Тверском бульваре / очень к вам привыкли. // Ну, / давайте, / подсажу / на пьедестал» (Маяковский, 1957, с. 56). «Юбилейное» могло и предостерегать поэтов от обращения к мифологеме «Пушкин-памятник», и служить творческим вызовом.

2. Имя пушкинского памятника в лирике Окуджавы

Если в XIX в. поэт наделялся условными возвышенными именами («сын гармонии» и т. п.), то пушкиниана XX в. возвысила реальное имя, «прежде вытесненное на периферию текстов, в адресацию и посвящение» [Шарафадина, 2004, с. 305]. *Пушкин* в качестве поэтической номинации не ассоциируется с чьей-то творческой инициативой, но всем памятен словесный жест: «Александр Сергеевич, / разрешите представиться...» (Маяковский, 1957, с. 47).

---

¹ Курсив в цитатах везде мой. – М. А.

На восприятие Окуджавой «Юбилейного» повлияла «вторая смерть» Маяковского, профанация его заветных произведений. К примеру, иронически помянутый в «беседе» с Пушкиным «комсомольский поэт» в собственных юбилейных виршах без смущения приветствовал *Александра Сергеевича* (Безыменский, 1952, с. 354). Подобные «воскрешения», ставшие частью официального ритуала у памятника Пушкину, подавали образ ожившей статуи «с наивным чувством триумфа» [Платт, 2017, с. 209], а Маяковский был назначен «социалистическим Пушкиным» [Мусатов, 1998, с. 134]. Контаминация двух культов могла быть преодолена только размежеванием с автором «Юбилейного». Обиходно-житейское именование гения, «авторизованное» Маяковским, в стихотворении Окуджавы «Александр Сергееч» (1966) служит знаком полемиического диалога.

Памятник назван *Александром Сергеечем* трижды – в заглавии, в третьей и последней строках, но оживлять монумент для задушевной беседы Окуджава отказывается. Очевидно также, что не ради лирической «экономии» языковых средств статуя именуется как живой человек.

Поэт подчеркивал, что воспринимает Пушкина как «близкого, хорошего знакомого» – и как недостижимый идеал [Булат Окуджава, 1997, с. 18]. Эта антиномия обоживила семантическое наполнение разговорной формы имени, неизменной вплоть до позднего стихотворения, где Пушкин выделен даже в ряду великих: «...и Мандельштам, и Лев Толстой, // и Александр Сергееч сами» (Окуджава, 2001, с. 501). Стилизация под речь барского слуги старого времени² умаляет статус говорящего, упрочивает иерархичность мира, в котором любимому поэту отведена роль высшего существа. В то же время «домашнее» имя *Александр Сергееч* предотвращает саму возможность сотворения кумира, а смирение лирического героя исключает фамильярность. Недостижимо-высокое и родное олицетворено в бронзовом Пушкине, стоящем на скрещении Тверской улицы и Тверского бульвара – в центре окуджавской Москвы.

3. «Александр Сергееч»: иерархия ценностей и единство мира

Статус главного героя подчеркнут организацией художественного пространства. Снегопад прочерчивает небесную вертикаль, символически соединяет разные уровни мира:

Не представляю Пушкина без *падающего снега*,
бронзового Пушкина, что в плащ укрыт.
Когда снежинки белые *посыплются с неба*,
мне кажется, что бронза тихо звенит.

«Памятник под снегом» – весьма популярный мотив пушкинианы³, что объясняется и красотой визуальных впечатлений, и памятью о пушкинской поэтизации зимы, и ассоциациями со временем гибели поэта. Чаще всего пейзаж со снегопадом формирует лирическую ситуацию «двое в городе» как аналог ночной беседы в «Юбилейном». Среди текстов этого рода, несомненно известных Окуджаве, выделяется стихотворение Иосифа Бродского «Памятник Пушкину» (1958) –

---

² Ср.: «Его сиятельство князь Андрей Николаич *сами мне приказали*» (Толстой, 1940, с. 146).

³ См.: (России первая любовь..., 1989, с. 330, 494, 497).

«ночное» и «метельное». Ленинградца вдохновил памятник московский, узнаваемый по силуэту: «Пустой бульвар. // И памятник поэту. // Пустой бульвар. // И пение метели. // *И голова // опущена устало*» (Бродский, 1965, с. 33). Зима здесь – образ ледяной вечности; ночное одиночество памятника – параллель к предсмертному состоянию поэтов: «...Свои стихи доканчивая кровью, // Они на землю глухо опускались. <...> Им было дико, *холодно // и странно*» (Бродский, 1965, с. 33). Эмпатическое приобщение к такой судьбе столь болезненно, что лирический герой отступает в область «человеческого, слишком человеческого»: «...В такую ночь // ворочаться в постели // приятней, // чем стоять // на пьедесталах» (Бродский, 1965, с. 34). Напротив, оруджавский *бронзовый Пушкин, что в плащ укрыт*, на пьедестале чувствует себя прекрасно; снег согревает его:

...Когда снежинки белые посыплются с неба,
мне кажется, что бронза тихо звенит.

Не представляю Родины без этого звона:
в сердце её он успел врать,
как его поношенный сюртук зелёный,
железная трость и перо – в горсти.

Звени, звени, бронза. *Вот так и согреешься.*
Падайте, снежинки, на плечи ему...

Представляя памятник «как форму живого бытия поэта, его присутствия в современности» [Свиридов, 2012, с. 402], Оруджава отвечает и Маяковскому, чье неприятие мертвящей бронзы побуждало тревожить задумчивого Пушкина. Оживление статуи в «Юбилейном» начато шуточной инверсией финала «Каменного гостя»: «Я тащу вас. / Удивляетесь, конечно? // *Стиснул? / Больно? / Извините, дорогой*» (Маяковский, 1957, с. 47). «Объятиям с памятником» Оруджава противопоставляет свою метафору контакта: поэт всматривается в падение окутывающего Пушкина снега и вслушивается в звуки этого легчайшего касания.

Медитативная интонация начальных строф – тонкая интерпретация стилевых особенностей творения Опекушина; этим оруджавский «Александр Сергеевич» принципиально отличается как от «Юбилейного», где образ монумента не визуализирован, так и от аллегорического пейзажа с памятником у Бродского. При всём том Оруджава свободно обращается с жанром экфрасиса.

Связанного с небесной высью героя сопровождают земные приметы. *Поношенный сюртук* варьирует глубоко личный лирический мотив: «Я много лет пиджак ношу. // Давно потёрся и не нов он» (Оруджава, 2001, с. 201). *Поношенность, потёртость* заключает в себе историю жизни, а потому семантически сближается с натруженностью – физической и душевной («Люб в поту, душа в ушибах» (Оруджава, 2001, с. 372)), с неизбежной печалью⁴. *Сюртук зелёный* соединяет достоверность костюмной детали и символичность бронзы: благородная патина эквивалентна той *поношенности*, которая в мире Оруджавы наделяет вещественное одухотворенностью.

Знаменитый облик бронзового Пушкина дополняют воображаемые детали, «размыкающие» ситуацию созерцания памятника. *Железная трость* – реалия южной ссылки, когда Пушкин, всегда готовый к дуэли, упражнял правую руку и с этой целью «вооружался железной палкой восемнадцать фунтов весу» [Вер-

⁴ Ср.: [Жолковский, 2005, с. 109–110]

саев, 1936, с. 193]. *Перо* одновременно эмблематично и конкретно; графическими средствами оформлен интонационный жест, позволяющий представить жест физический: «...и перо – в горсти». Отсылки к биографии Пушкина действенны, поскольку источник деталей – «настольная» для многих поколений книга «Пушкин в жизни», включающая и воспоминания Пущина: «...он всегда, с самого лица, писал оглодками, которые *едва можно было держать в пальцах*» [Там же, с. 261]. Герой Окуджавы словно бы удерживает в *горсти* сточенное, готовое выскользнуть перо. Изваяние обретает «незавершённость» живого человека, чье бытие продолжается:

Звени, звени, бронза. Вот так и согреешься.
Падайте, снежинки, на плечи ему...
У тех – всё утехи, у этих – всё зрелища,
а Александра Сергеевича ждут в том дому.

И пока, на славу устав надеяться,
мы к благополучию спешим нелегко,
там гулять готовятся господа гвардейцы,
и к столу скликает «Вдова Клико»...

Господа гвардейцы – участники споров «между Лафитом и Клико», им «читал свои Ноэли Пушкин» (Пушкин, 1937, т. 6, с. 524). Аллюзия к X главе «Евгения Онегина» преодолевает стереотипы советской пушкинианы и декабристианы. Привычной была актуализация поэтической формулы из первого послания к Чаадаеву: «*Товарищ, верь...*» В советском дискурсе антоним *товарища* – *господин*; если в повествовательных жанрах и драматургии это слово сохранялось ради исторического колорита, то из лирики оно было изгнано как дискредитированное. Его-то и возводит Окуджава в статус поэтизма, соединяя с другим обозначением превосходства, элитарности: *господа гвардейцы*. Далекое *там*, кажется, совершенно затмевает день сегодняшней:

И пока, на славу устав надеяться,
мы к благополучию спешим нелегко,
там гулять готовятся господа гвардейцы,
и к столу скликает «Вдова Клико»,

там напропалую, как перед всем светом,
как перед любовью – всегда правы...
Что ж мы осторожничаем? Мудрость не в этом.
Со своим веком можно ль на «вы»?

Пушкинское пророчество – «И славен буду я, доколь в подлунном мире // Жив будет хоть один пиит» (Пушкин, 1948, т. 3, кн. 1, с. 424) – сбывается нелестным для новых *пиитов* образом: они *устали* следовать высокому примеру. Поколение, обремененное опытом исторических трагедий, *осторожничает*, но очередной *жестоким* век оправданием служить не может: *Мудрость не в этом*. Наконец, иерархический принцип обнаруживается при сопоставлении первой и последней строф. Лишь в тишине, когда слышен звук падающего снега и ответный звон бронзы, возможно приобщение к Пушкину; поэтому так хочется остановить гомонящие у памятника толпы:

По Пушкинской площади плещут страсти,
трамвайные жаворонки, грех и смех...

Да не суетитесь вы! Не в этом счастье...

Александр Сергеич помнит про всех.

(Окуджава, 2001, с. 294)

Признание неполноценным любого самоопределения в настоящем словно бы не оставляет иного выбора, как томиться о прошлом. Однако в финале коллизия «там – здесь» оказывается мнимой. Сквозной повтор разговорной формы *Александр Сергеич* устанавливает связь между тем высшим миром, где поэта *ждут*, и пространством Пушкинской площади, где его видят в бронзовом облике. *Александр Сергеич*, который *помнит про всех*, воспринимается в итоге как благоволяющий ко всем, снисходящий к людским несовершенствам, внимающий шуму повседневности. В жесте бронзового Пушкина, задумчиво и доброжелательно склоняющегося к людям со своей поднебесной высоты, словно бы овнешне-но призывание *милости к падшим*. Современность облагорожена присутствием поэта – вполне реальным, а не умозрительным.

Всё сказанное позволяет объяснить и странное на первый взгляд посвящение «Александра Сергеича» – *С. П. Щипачёву*.

По свидетельству С. Рассадина, в пору работы Окуджавы в издательстве «Молодая гвардия», где Щипачёв заведовал отделом переводов, официальный советский стихотворец раскрылся перед младшими коллегами как человек добрый и порядочный. Но тот же Рассадин вспоминает, что Окуджава устроил ему при знакомстве экзамен, «строго спросив: “К Щипачёву как относитесь?” – “Плохо”, – оробело ответил я, имея в виду, понятно, стихи. И, ответив, *прошёл тест на совместимость*» [Рассадин, 2009, с. 10]. Следовательно, Окуджава судил о Щипачёве куда суровее, чем историк литературы: «И хотя тематически его поэзия не выходит за рамки обычного воспевания коммунизма, отечества и счастливого будущего, вся эта программа связывается в ней с мотивами природы и любви, позднее – также старения. Особенно в поздние сталинские времена Щипачёв выделялся на общем фоне благодаря этим первоначальным лирическим элементам в своей поэзии» [Казак, 1996, с. 480].

Поднятая над эстетическими разногласиями побудило Окуджаву стихотворение Щипачёва «Поэты» («День поэзии – 1966»), где обнаружилось влияние младшего на старшего. Воображая свою попытку остановить спешащего к месту дуэли Пушкина, автор восклицал: «Поверните назад, // поверните назад! // *Распахните в века // голубые глаза*» (Щипачёв, 1966, с. 19); так преломился образ из «Поэтов травили, ловили...»: «Им разные тракты клубили, // но всё ж в переделке любой // *глядели они голубыми // за свой горизонт голубой*» (Окуджава, 2001, с. 208). В финале Щипачёв переносится в «завтрашний век»: «Там я так бы заканчивал // каждую речь: // “Уж хоть вы-то учитесь // поэтов беречь!”» (Щипачёв, 1966, с. 20); ср.: «Берегите нас, поэтов, берегите нас...» (Окуджава, 2001, с. 206).

Окуджава, введенный в состав редколлегии «Дня поэзии» в 1966 г., должен был прочесть текст Щипачёва на стадии подготовки выпуска⁵ – и успел добавить посвящение к «Александру Сергеичу», предназначенному для 7-го номера «Юности». О заведомом отсутствии соображений «политеса» свидетельствует поздняя публикация стихотворения – без изменений в заголовочном комплексе. Составляя книгу «Чашепитие на Арбате» (1996), поэт имел все основания убрать имя Щипачёва, чья идеологическая одиозность в 1970-е заслонила как искренность в ли-

⁵ «День поэзии» был сдан в набор 1 сент. 1966 г.

тературном деле, так и личную доброту. Тем не менее посвящение осталось на месте.

В 1966-м и тридцать лет спустя посвящение выполняло разные, но в равной степени важные для автора задачи. Изначально этот жест не только выражал благодарность Щипачёву за стихотворный отклик, но и был актом смирения перед Пушкиным: переживание его присутствия в современной жизни не позволяет меряться дарованием с кем бы то ни было, зато *Александр Сергеич помнит* про всякого, в ком пробуждаются *чувства добрые*. С высоты новой эпохи Окуджаву не отказал покойному Щипачёву в упоминании, как не отказывают падшему в милости.

Соседство заглавия «Александр Сергеич» и посвящения *С. П. Щипачёву* создает впечатление, будто сам Пушкин снисходит к одному из малых сих. Окуджаву, совершивший по-пушкински акт милосердия, словно бы скрылся в тени своего любимого героя, которому отданы верховные права – *помнить про всех*.

4. «На фоне Пушкина» как метафора самоопределения и единения

Художественно-философский потенциал «экфрастической встречи» (Платт) получил развитие в песенном стихотворении «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину» (1970). Здесь образ Пушкина «не удвоен, а даже утроен. В стихах описывается фотоизображение скульптурного портрета. Бронзовый Пушкин (он же *живой* Пушкин) образует иконическую синтагму с городским пейзажем и сообщает ему новое качество»: запечатленные на фотокарточке приобщаются к вечному бытию гения [Свиридов, 2012, с. 427].

При всей очевидности общего смысла и простоте песенной формы, построенной на двух рефренах, «Приезжая семья...» слывет загадочным текстом [Фризман, 2003, с. 154]. Этот парадокс побуждает вспомнить слова Александра Цыбулевского – поэта, филолога, университетского друга Окуджавы, которому посвящено стихотворение: «Два равновеликих наслаждения доставляет поэзия: наслаждение пониманием и непониманием её. <...> Кто не любил поэта, ещё не до конца вникая в смысл им сказанного?» [Цыбулевский, 2017, с. 246]. Проследим «развертывание» смысла, заданное посвящением другу и аллюзией к стихотворению Давида Самойлова «Фотограф-любитель».

Для лирики Окуджавы характерен прием, маркирующий диалог: поэт выносит в сильную позицию начала текста чужой образ, изменяя его *по духу своему* [Александрова, Мосова, 2018, с. 44, 47, 54]. В данном случае источник процитирован с буквальной точностью:

Фотографирует себя
С девицей, с другом и соседом,
С гармоникой, с велосипедом,
За ужином и за обедом,
Себя – за праздничным столом,
Себя – по окончанье школы,
На фоне дома и стены,
Забора, бора и собора,
Себя – *на фоне* скакуна,
Царь-пушки, башни, колоннады,
На фоне Пушкина – себя,

На фоне грота и фонтана,
Ворот, гробницы Тамерлана,
В компании и одного –
Себя, себя. А для чего?
(Самойлов, 2006, с. 140)

Прием повтора здесь выделяет местоимение *себя*; оборот *на фоне* остается служебным, пока не возникает тема жизненной истины, упущенной в суете: «А он ведь жил *на фоне звезд*. // И сам был маленькой вселенной, // Божественной и совершенной! // Одно беда – был слишком прост!» (Самойлов, 2006, с. 140). Затерявшуюся в системе повторов фразу *на фоне Пушкина* Окуджава превращает в рефрен, отчего обычная фотосъемка становится ритуалом. На символизацию бытовых привычек современника указывает также посвящение: Цыбулевский был не только поэтом, но и фотохудожником. Не вовлеченный непосредственно в диалог, он выступает арбитром в дружеском споре.

Приезжая семья представляет современных людей как таковых: это «пришельцы из другого времени <...> и другого пространства», «не освященного присутствием гения» [Свиридов, 2012, с. 427]. Окуджавский фотограф – посредник между двумя мирами:

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щёлкает, и птичка вылетает.
Фотограф щёлкает, но вот что интересно:
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Все счёты кончены, и кончены все споры.
Тверская улица течёт, куда не знает.
Какие женщины на нас кидают взоры
и улыбаются... И птичка вылетает.

На фоне Пушкина снимается семейство.
Как обаятельны (для тех, кто понимает)
все наши глупости и мелкие злодеяния
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.
(Окуджава, 2001, с. 336)

Тема человеческой «малости» («Он пишет, *бедный человек*, // Свою историю *простую*» (Самойлов, 2006, с. 140)) отзывается в ироничном преувеличении: «все наши глупости и мелкие злодеяния». Самойлов досадует на того, кто не сознаёт ни собственной бренности, ни своего места в бессмертной вселенной: «Ах! – миг один, – и нет его. // Запечатлел, потом – истлел»; «И стал он *капелькой дождя*... // Кто научил его томиться, // К бессмертью громкому стремиться, // В бессмертье скромное входя?» (Самойлов, 2006, с. 140). Отвечая поэту-философу от лица тех, кто «слишком прост», Окуджава заявляет с видимой беспечностью:

Мы будем счастливы (благодаренье снимку!).
Пусть жизнь короткая пронесется и тает.

Тающая жизнь – параллель к самойловской метафоре *капелька дождя*; в то же время *на фоне Пушкина* распознаются переключки со старинными жанрами, для которых характерна тема бренности. Самойлов вводит элегическую формулу: «Ах! – миг один, – и нет его. <...> истлел»; ср.: «Дохнула смерть – что он? – горсть пыли» (Жуковский, 1956, с. 58). Окуджава варьирует лицейские гимны

и дружеские послания: «Други, пусть года несутся» (Дельвиг, 1959, с. 95), «Пуш-кай старик крылатый // Летит на почтовых» (Пушкин, 1937, т. 1, с. 119), «Пусть остылой жизни чашу // Тянет медленно другой» (Пушкин, 1947, т. 2, кн. 1, с. 50), «Пусть жизнь короткая пронесется и тает»... Мимолётность бытия искуплена присутствием в этой жизни Пушкина, которое и преобразует ее чудесным образом: разрешаются противоречия («Все счёты кончены, и кончены все споры»), пространство распаивается вдаль и время длится («Тверская улица течёт, куда не знает»), в горожанках воскресает идеал вечной женственности.

В итоге Окуджава обращается к Самойлову на «примиряющем» образном языке. В первом стихе последней строфы выделен (графически и композиционно) оборот *благодаренье снимку*. Архаизм *благодаренье* оживляет в памяти пушкинское: «Прими ж мои благодаренья, // Поклонник мирных аонид...» (Пушкин 1937, т. 6, с. 54). При этом структурно окуджавская формула благодарности повторяет устойчивое выражение *благодаренье Богу*; редкое у поэтов советского времени, оно венчает знаменитую «Болдинскую осень»: «*Благодаренье Богу – ты свободен – // В России, в Болдине, в карантине...*» (Самойлов, 2006, с. 110). Старинная формула варьируется и в финале пушкинского по духу стихотворения «В деревне»: «И благодарен верному уму // И доброму письму в деревне... // *Любви благодаренье и всему, // Всему – благодаренье!*» (Самойлов, 2006, с. 142). На фоне Пушкина и Самойлова особенно ощутимо нарушение классической нормы; стилевой оксюморон *благодаренье снимку* связывает разнородное, разновременное. Тем самым подготовлен образ единения:

Мы будем счастливы (благодаренье снимку!).
Пусть жизнь короткая пронесется и тает.
На веки вечные мы все теперь в обнимку
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.
(Окуджава, 2001, с. 336)

Анафора напрямую сопрягает вечность и Пушкина. В свете финала открывает-ся смысл второго рефрена.

Когда «маленькие люди» готовятся запечатлеть себя *на веки вечные*, раздается «тихий щелчок задвижки на дверце проволочной клетки – “и птичка вылетает”»; чудо совершает «не то фотограф, не то Пушкин, выпускающий чижика на волю “при светлом празднике весны”» [Поздняев, 1994, с. 57]: «Я стал доступен утешению; // За что на Бога мне роптать, // Когда хоть одному творенью // Я мог свободу даровать!» (Пушкин, 1947, т. 2, кн. 1, с. 280). Догадку М. Поздняева о двуедином источнике окуджавской метафоры чуда легко обосновать логически, что подтверждает ее точность. Современное эстетическое сознание реагирует на поэтизм пушкинской эпохи – *птичку* – с неизбежной иронией⁶; но и фотографы шутят со своими подопечными снисходительно, как с детьми. «Маленькие» персонажи «Приезжей семьи...» так же нуждаются в спасении, как и птичка. Вылетающая птичка – освобожденная Пушкиным душа. Метафора воспарения созвучна идее стихотворения «Александр Сергеевич», где высший до неба монумент не только не подавляет «маленьких людей», но символизирует пушкинское покровительство.

---

⁶ Так, устойчивое выражение «птичка Божия», оторвавшееся от пушкинского источника, во всех современных словарях сопровождается пометой: шутливо-ироническое.

5. Памятник бронзовый и нерукотворный

Существует объективное противоречие и в то же время диалектическая связь между эстетическими установками стихов «к памятнику» и традицией *Exegi monumentum*, которая обладает «собственной <...> риторической амбивалентностью»: апофатическое сравнение *нерукотворного памятника* с пирамидами (у Горация), Александрийским столпом (у Пушкина) утверждает «превосходство метафорического объекта этого сравнения (поэзии) над любыми качествами его носителей (памятников)», но в результате «возникает визуальная образность и семантическая структура, соотношенная с той самой идеей, которой это стихотворение должно противостоять» [Платт, 2017, с. 231–232]. Эта коллизия сглаживалась или упрощалась по мере того, как «эфрастические встречи» становились популярной разновидностью пушкинианы; задача изображения увековеченного в металле поэта сама по себе подсказывала решение вопроса о «прочной славе»: неизбежное оправдание получали те «медные формы», в которые (согласно метафоре Ходасевича) вылилась «национальная гордость» гением [Речи о Пушкине..., 1999, с. 155].

Дистанцируясь от массовых проявлений пушкинского культа, Окуджава явно не считал многолюдность Пушкинской площади, где «плещут страсти» и фотографируются туристы, реализацией метафоры *народной тропы*. Тем не менее его концепция памятника демократична по духу; поэт исходит из самочувствия рядового современника, которому для возвышения над суетой необходим наглядный символ бессмертия. Так преобразуется антитеза «вещественное – нерукотворное».

Бронзовый облик поэта будит воображение, однако статуя не «оживает» (как это происходит в есенинском «Памятнике Пушкину») и не «оживляется» (по примеру «Юбилейного» Маяковского). Монументальность героя Окуджавы подчеркнута небесной вертикалью («Александр Сергеич») и несоразмерностью «маленьких людей» фигуре «фона» («Приезжая семья...»). *Звенящая бронза* – и «плоть» и «голос» изваяния, чье вечное бытие загадочно, но (в отличие от юношеского стихотворения Бродского) не внушает смятения живому. У Есенина, Маяковского, Бродского «общение» с памятником предполагает избирательное сродство поэтов; напротив, у Окуджавы лирическое «я» даже в фантазиях об *Александре Сергеиче* границы его мира не переступает. При этом бронзовый Пушкин не покоится в своем величии, но «помнит про всех» (Окуджава, 2001, с. 294).

Таким образом, памятник как овеществленная память сохраняет традиционное содержание и вбирает новое, становится олицетворением бессмертной творческой силы Пушкина, продолжающей и ныне гармонизировать мир: заветом *добрых чувств* объединены реминисценции из пушкинских произведений в обоих рассмотренных стихотворениях Окуджавы. Современный поэт, раз и навсегда призвавший недосыгаемость гения, оказался способен воссоединить образ бронзового Пушкина с *памятником нерукотворным*.

Список литературы

Александрова М., Мосова Д. Блоковская традиция в лирике Булата Окуджавы. М.: Флинта: Наука, 2018. 168 с.

Булат Окуджава: Спец. вып. [Лит. газ.]. 1997. [21 июля]. 32 с.

- Вересаев В.* Пушкин в жизни. 6-е изд., значит. доп. М.: Сов. писатель, 1936. Т. 1. 528 с.
- Жолковский А.* Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 654 с.
- Казак В.* Лексикон русской литературы XX века: Пер. с нем. М.: Культура, 1996. 512 с.
- Молок Ю.* Пушкин в 1937 году. М.: НЛО, 2000. 272 с.
- Мусатов В.* Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 484 с.
- Платт Дж. Бр.* Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.
- Поздняев М.* Пушкин как Окуджава // Столица. 1994. № 19 (май). С. 51–57.
- Рассадин С.* Книга прощаний: Воспоминания о друзьях и не только о них. 2-е изд., доп. М.: Текст, 2009. 428 с.
- Речи о Пушкине: 1880–1960-е годы. М.: Текст, 1999. 390 с.
- Свиридов С.* Встречи Булата Окуджавы // Голос надежды: Новое о Булате. М.: Булат, 2012. Вып. 9. С. 399–430.
- Фризман Л.* «На фоне Пушкина...» Пушкинские отзвуки у Галича и Окуджавы // Пушкин и мировая культура. СПб.; Симферополь, 2003. С. 148–155.
- Цыбулевский А.* Поэтика доподлинности: Критическая проза. Записные книжки. Фотографии. М.: НЛО, 2017. 880 с.
- Шарафадина К.* Культурные эмблемы неомифа о поэте русской поэтической пушкинианы XIX–XX вв. // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Псков: Изд-во ПГПИ, 2004. С. 303–314.
- Шарафадина К.* Московский «Памятник-Поэта» в Пушкиниане // Шарафадина К., Таборисская Е. Литературно-культурный диалог двух российских столиц. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2013. С. 107–116.
- Якобсон Р.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Список источников

- Безыменский А.* Стихи и поэмы. М.: ГИХЛ, 1952. 524 с.
- Бродский И.* Стихотворения и поэмы. New York: Inter-Language Literary Associates, 1965. 236 с.
- Васильев С.* Стихи. Поэмы. Пародии. М.: Моск. рабочий, 1964. 256 с.
- Дельвиг А.* Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1959. 370 с.
- Есенин С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука: Голос, 1995. Т. 1. 672 с.
- Жуковский В.* Стихотворения. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1956. 848 с.
- Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. 464 с.; 1957. Т. 6. 544 с.
- Окуджава Б.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.
- Пушкин А.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 531 с.; Т. 6. 700 с.; 1947. Т. 2, кн. 1. 606 с.; 1948. Т. 3, кн. 1. 635 с.; Т. 5. 513 с.
- России первая любовь: писатели о Пушкине, поэты – Пушкину. М.: Сов. писатель, 1989. 640 с.
- Садовской Б.* Позднее утро. М.: [б.и.], 1909. 86 с.
- Самойлов Д.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2006. 800 с.
- Толстой Л.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1940. Т. 11. 496 с.

Цветаева М. Стихотворения и поэмы. 3-е изд. Л.: Сов. писатель, 1990. 800 с.
Щупачёв С. Поэты // День поэзии – 1966. М.: Сов. писатель, 1966. С. 19–20.

References

- Aleksandrova M., Mosova D. *Blokovskaya traditsiya v lirike Bulata Okudzhavy* [Blok's tradition in Bulat Okudzhava's poetry]. Moscow, Flinta, Nauka, 2018, 168 p.
- Bulat Okudzhava: Spetsial'nyy vypusk. Literaturnaya gazeta*. 1997, 21 July, 32 p.
- Frizman L. "Na fone Pushkina..." Pushkinskiye otzvuki u Galicha i Okudzhavy [The Pushkin echoes in the poems of Galich and Okudzhava]. In: *Pushkin i mirovaya kul'tura* [Pushkin and world culture]. St. Petersburg, Simferopol', 2003, pp. 148–155.
- Jakobson R. *Raboty po poetike* [Work on poetics]. Moscow, Progress, 1987, 464 p.
- Kazak V. *Leksikon russkoy literatury 20 veka* [Lexicon of the Russian literature of the 20th century]. Transl. from German, Moscow, Kul'tura, 1996, 512 p.
- Molok Yu. *Pushkin v 1937 godu* [Pushkin in 1937]. Moscow, NLO, 2000, 272 p.
- Musatov V. *Pushkinskaya traditsiya v russkoy poezii pervoy poloviny 20 veka* [Pushkin's tradition in Russian poetry in the first half of the 20th century]. Moscow, RSHU Publ., 1998, 484 p.
- Platt Jon. Br. *Zdravstvuy, Pushkin! Stalinskaya kul'turnaya politika i russkiy natsional'nyy poet* [Greetings, Pushkin! Stalinist cultural politics and the Russian national bard]. St. Petersburg, EUSP Press, 2017, 352 p.).
- Pozdnyayev M. Pushkin kak Okudzhava [Pushkin like Okudzhava]. *Stolitsa*. 1994, no. 19 (May), pp. 51–57.
- Rassadin S. *Kniga proshchaniy: Vospominaniya o druz'yakh i ne tol'ko o nikh* [Memories of friends, and not just friends]. 2nd ed., corr., Moscow, Tekst, 2009, 428 p.
- Rech'i o Pushkine: 1880–1960-e gody* [Speeches about Pushkin: 1880–1960]. Moscow, Tekst, 1999, 390 p.
- Sharafadina K. Kul'turnyye emblemy neomifa o poete russkoy poeticheskoy pushkiniany 19–20 vv. [Neomyth of the poet in the Russian Pushkiniana (19–20th centuries): Cultural emblems]. In: *Belletristicheskaya pushkiniana 19–21 vv.* [Pushkin in fiction (19–21 centuries)]. Pskov, PSPI Publ., 2004, pp. 303–314.
- Sharafadina K. *Moskovskiy "Pamyatnik-Poeta" v Pushkiniane* [Moscow "Monument-Poet" in Pushkiniana]. In: Sharafadina K., Taborisskaya E. *Literaturno-kul'turnyy dialog dvukh rossiyskikh stolits* [Literary and cultural dialogue between the two Russian capitals]. St. Petersburg, SPbSU ITD Publ., 2013, pp. 107–116.
- Sviridov S. *Vstrechi Bulata Okudzhavy* [Rendezvous of Bulat Okudzhava]. In: *Golos nadezhdy: Novoye o Bulate* [The voice of hope: a new about Bulat]. Moscow, Bulat, 2012, iss. 9, pp. 399–430.
- Tsybulevskiy A. *Poetika dopodlinnosti: Kriticheskaya proza. Zapisnyye knizhki. Fotografii* [Critical prose. Notebooks. Photos]. Moscow, NLO, 2017, 880 p.
- Veresayev V. *Pushkin v zhizni* [Pushkin in Life]. 6th ed., corr., Moscow, Sovetskiy pisatel', 1936, vol. 1, 528 p.
- Zholkovskiy A. *Izbrannyye stat'i o russkoy poezii: Invarianty, struktury, strategii, interteksty* [Selected articles on Russian poetry: Invariants, strategies, structures, intertexts]. Moscow, RSHU Publ., 2005, 654 p.

List of sources

Bezymenskiy A. *Stikhi i poemy* [Verses and poems]. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit., 1952, 524 p.

- Brodskiy I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. New York, Inter-Language Literary Associates, 1965, 236 p.
- Del'vig A. *Poln. sobr. Stikhotvoreniy* [Complete collected poems]. 2nd ed. Leningrad, Sov. pisatel', 1959, 370 p.
- Esenin S. *Poln. sobr. soch.: V 7 t.* [Complete works: In 7 vols.]. Moscow, Nauka, Golos, 1995, vol. 1, 672 p.
- Mayakovskiy V. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete works: In 13 vols.]. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit., 1955, vol. 1, 464 p.; 1957, vol. 6, 544 p.
- Okudzhava B. *Stikhotvoreniya* [Verses]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2001, 712 p.
- Pushkin A. *Poln. sobr. soch.: V 16 t.* [Complete works: In 16 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1937, vol. 1, 531 p.; vol. 6, 700 p.; 1947, vol. 2, bk. 1, 606 p.; 1948, vol. 3, bk. 1, 635 p.; vol. 5, 513 p.
- Rossii pervaya lyubov': pisateli o Pushkine, poety – Pushkinu* [Russia's first love: writers about Pushkin, poets to Pushkin]. Moscow, Sov. pisatel', 1989, 640 p.
- Sadovskoy B. *Pozdnee utro* [Late morning]. Moscow, 1909, 86 p.
- Samoylov D. *Stikhotvoreniya* [Verses]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2006, 800 p.
- Shchipachev S. Poety [Poets]. In: *Den' poezii – 1966* [Day of poetry – 1966]. Moscow, Sov. pisatel', 1966, pp. 19–20.
- Tolstoy L. *Poln. sobr. soch.: V 90 t.* [Complete works: In 90 vols.]. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit., 1940, vol. 11, 496 p.
- Tsvetaeva M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. 3rd ed. Leningrad, Sov. pisatel', 1990, 800 p.
- Vasil'ev S. *Stikhi. Poemy. Parodii* [Verses. Poems. Parodies]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1964, 256 p.
- Zhukovskiy V. *Stikhotvoreniya* [Verses]. 2nd ed. Leningrad, Sov. pisatel', 1956, 848 p.

Информация об авторе

Мария Александровна Александрова, доктор филологических наук
WoS Researcher ID Q-3981-2018
Scopus Author ID 55336606000

Information about the author

Maria A. Aleksandrova, Doctor of Philology
WoS Researcher ID Q-3981-2018
Scopus Author ID 55336606000

*Статья поступила в редакцию 11.05.2021;
одобрена после рецензирования 07.07.2021; принята к публикации 07.07.2021*
*The article was submitted 11.05.2021;
approved after reviewing 07.07.2021; accepted for publication 07.07.2021*